

9. Гриценко В. П. Об именах как социокодах и технокодах // Тема. Часопис за друштвене науке. Ниш. 2006. №4. С. 689–709.

10. Садовничий В. А. Выступление ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова на Всероссийском совещании ведущих кафедр гуманитарных и социально-экономических дисциплин. М., 2003. С. 2.

11. Данильченко Т. Ю. Философия лакун: моногр. Краснодар, 2010. С. 60.

12. Глобализация. URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki>

13. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития М., 2011.

14. Панкадж Гемават. Мир 3.0: Глобальная интеграция без барьеров. – М., 2013. С. 260.

15. Гриценко В. П. Культура: взаимодействие глобализации и регионализации // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3. С. 7–9.

V. P. GRITSENKO. HERMENEUTIC NATURE OF HUMANITARIAN EDUCATION AND ITS TEXTUAL REPRESENTATION

Humanitarian knowledge and education is fundamental to the formation of social and cultural identity of the nation, society and state. The information society has made significant changes in authentication mechanisms, making them global.

Key words: humanities, liberal arts education, text, hermeneutics culture.

Т. Ю. ДАНИЛЬЧЕНКО

СТАНОВЛЕНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ МЕТОДОЛОГИИ В СРЕДНИЕ ВЕКА

В статье рассматривается становление образовательных институтов в средние века (школ, университетов), развитие схоластики, использующей герменевтическую методологию как универсальную.

Ключевые слова: гуманитарное познание, лакуны, герменевтика, средневековое познание.

Собственно средневековая философия – это философия, главными заботами которой были проблема бытия Бога, Троичности, проблема инкарнации, свободы воли и благодати, отношения веры и разума в их христианском понимании, проблема конца Света и Второго пришествия и др. Отправным пунктом для рационального толкования христианской доктрины стало положение о Христе как Логосе: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог...» [1].

Множество лакун, которые возникали в библейском тексте, требовали своего устранения, разъяснения, преодоления. В этом деле большую роль сыграл предшественник отцов церкви Филон Александрийский (Iв н.э.). Филон [2] сформулировал особую интеллектуальную стратегию по отношению к толкованию библейских текстов. Он стал дифференцировать буквальный смысл и скрытый смысл, согласно которому библейские писания ценны своим символизмом. Аллегорический метод комментирования он ставит выше буквального толкования в своей серии трактатов «Аллегорический комментарий к Пятикнижию». Аллегорическое комментирование заполняло моральные, метафизические, теологические лакуны, поэтому приобрело заметную роль в патристике. Благодаря этому методу были обоснованы новые понятия, которых не было в античной философии.

Лакунарный характер объекта познания в христианстве вызвал ряд особых стратегий познания, одной из которых стал гностицизм. Гностицизм

(Карпократ, Епифан, Василид, Исидор, Валентин) рассматривается как непосредственное усмотрение Бога, недоступное большинству. Гностическая доктрина по своей природе лакунарна, ибо считается, что ее смысл доступен изначально избранному сообществу. Другой разновидностью такой лакунарной стратегии стал путь постижения Бога, провозглашенный Тертулианом (II – III вв.): “Credoquiaabsurdum” (верую, ибо абсурдно). Бог, таким образом, объявлялся открытым для постижения через веру и лакунарным для разума. Кроме Бога лакунами средневековой картины мира стали Ад и Рай, Дьявол и многие другие феномены.

Поскольку средневековая картина мира имела ценностный характер, то и проблема лакунарности представала, прежде всего, как аксиологическая. Для средневекового обывателя зло является не проявлением Бога, который творит только добро, а результат небытия. Зло не эфемерно и маскируется под истинное бытие. Главные лакуны заключены в том, что истинное бытие сокрыто от глаз, а непосредственно данный обыденный мир есть лишь видимость. Бог мог раскрыть некий смысл только «избранным» через Откровение.

Глубоким и решительным развитием темы лакунарности бытия Всевышнего стала апофатическая теология. В учении Псевдо-Дионисия Ареопагита (VVI вв.) утверждается, что Бог может быть постигнут различными именами и иносказаниями. Более совершенным способом познания

является использование имен из сферы умопостигаемой реальности – «красота», «любовь», «благо», «доброта». Однако «Сверхсущий» не может быть выражен положительными определениями, поэтому «молчание и таинственный мрак» наиболее более адекватно отражают сверхсущую реальность, чем разум. С нашей точки зрения, такая точка зрения лучше всего выражает лакунарность Всевышнего как предмета познания.

В «Мистической теологии» [3] обосновывается, что Высшее Благо может быть познано как с помощью слов, так и с помощью воздержания от высказываний. Поскольку Бог неосязаем и невидим, поскольку он выше всякого понимания и выше всякой вербализации, то познание в этом случае завершается. Однако «ничто» Ареопагита не бессодержательно, а представляет собой квинтэссенцию божественного смысла, где невозможно положительное определение в логике рассудка.

Рационалистический вариант преодоления лакуны Откровения разрабатывает Августин Блаженный [4]. Вера не противоречит разуму, а находится в основе понимания, такова его отправная позиция, имеющая истоки в книге «Исайи». С конца XII века рационалистическая тенденция нашла развитие в трудах Иоанна Скотта Эриугены, Пьера Абеляра. Однако проблема заключается в том, что высшим познанием остается Откровение.

Преодоление основной познавательной лакуны стало предметом пристанного внимания Фомы Аквинского, который сформулировал принцип гармонии веры и разума. Согласно этому постулату откровение и интеллект имеют единство в Божественном Разуме. Однако путь к такому теоретическому примирению был длителен и тернист. Он пролегал через драматическую борьбу номинализма и реализма, в которой эта проблема предстала в виде теории «двойственной истины» (Сигер Брабанский, Уильям Оккам). Концептуально номинализм и реализм решали главные мировоззренческие проблемы и, прежде всего, проблему бытия Бога с помощью категорий «единичное» и «общее». Традиции такого категориального обсуждения родились в античности и через схоластику продлились в Новое время. В то же время, дилемма номинализма и реализма свидетельствует, что мировоззренческие лакуны имеют не только языковой, но и категориальный характер и сопряженными с категориями «конечное»/«бесконечное», «пространство» и «время», «причина» и «следствие» и др.

Проблема универсалий была поставлена в схоластике Северином Боэцием [5]. В XXII вв. (Иоанн Скотт Эриугена [6], Ансельм Кентерберийский [7]) придерживались позиции, что универсалии пре-существуют в Божественном Разуме до творения и выполняют конструктивную роль в созидательной деятельности Творца.

Альтернативное решение проблемы бытия Бога и универсалий предлагали в своей теории

познания номиналисты – Иоанн Росцелин, Дунс Скотт, Уильям Оккам. Универсалии они объявляли понятиями, условными обозначениями и даже иллюзорными образованиями. Одним из самых радикальных рецептов элиминации концептуальных лакун был предложен Уильямом Оккамом [8]. «Бритва Оккама» отсекает как избыточные дублирующие друг друга концепты, пустые понятия, *ad hoc* гипотезы. Она гласит, что «не следует умножать сущности сверх необходимости» и в современной форме выглядит как принцип «экономии мышления», «принцип простоты». На основании этого принципа английский мыслитель производит логическую реформу и строит Новую логику [9]. Оккам создает необычайно строгую и последовательную систему логики на основе принципа номинализма. Основными элементами в его системе становятся не пропозиции, а термины. В «Сумме логики» [10] он выделяет ментальные, оральные и письменные термины, первый из которых является натуральным, а два других конвенциональными. Дальнейшие разделения «категорематических» и «синкатегорематических», «абсолютных» и «коннотативных» терминов также направлено на то, чтобы уточнить значение слов и исключить смысловые лакуны. Оккам чувствует, что источником смысловых лакун являются те «зазоры», которые находятся между словом и понятием, словом и реальностью, понятием и реальностью, между словом и словом, понятием и понятием. Идеалом могла стать символическая логика, которая бы занималась операциями между «чистыми» символами. Думается, что этот идеал, обрисованный Оккамом, является вечным императивом, так как полностью избавиться от лакун или пользоваться только формализованным языком невозможно, даже в науке.

Английский мыслитель является провидцем не только точной науки, но и экспериментального естествознания. Если «бритва» это первый канон, то второй канон Оккама гласит: главное состоит не в ответе на вопрос «что это?», а в том, чтобы выяснить: как функционируют вещи? Этот образ физики У.Оккама также близок современному облику математизированной физики, которая вместо каузальности акцентирует внимание на функциональности. Так на место аристотелевского видения Универсума как иерархически организованной структуры приходил образ Универсума как агрегата атомарных единиц, ни одна из которых не обладает особой привилегией.

Таким образом, поздняя схоластика, принципы логики и физики Оккама способствовали становлению нового стиля мышления, реалистической картины мира, лишенной надуманных сущностей и мнимых аллегорий. В Оксфорде и Париже постепенно критика аристотелизма привела к утверждению метода пробабиллизма [11], необычайному повышению реализма в науке и исключению множества лакун, генерируемых сугубо

средневековым способом мышления и средневековой картиной мира. Научные и мировоззренческие реформы и революции всегда направлены на преодоление некоторых лакун и утверждаются как результат их заполнения и компенсации.

Задолго до Коперника, Галилея и Ньютона исследования Ж. Буридана и Н. Орема, использование ими принципов оккамизма, способствовали утверждению новых физических понятий, количественной физики и новой астрономии. Смена научной установки, способа мышления и объяснения одним махом устраняла сотни лакунарных объектов, существовавших в прежней картине мира. Многие проблемы и сущности превращались в псевдопроблемы и мнимые сущности. Все сказанное, в частности, противоречит стереотипным суждениям о том, средние века были чужды научной установке, что схоластика контрпродуктивна для науки, что средние века – это «темные» века.

В средние века в Европе появились институциональные формы развития знания – школы, университеты, а также доктринальная форма этого знания – схоластика. Родилась целая сфера институтов по заполнению лакун с помощью знания, образования, обучения. Мировоззренческие лакуны стали заполнять на основе грамотности, так как в школах преподавали письмо, латынь, общедоступное понимание Библии. Более углубленная подготовка происходила на следующих ступенях, где изучали семь свободных искусств, включая грамматику, риторику, математику, музыку. На высшей ступени углубленно изучалось Священное писание.

С XIII века начинается деятельность университетов, которые в более утонченной и свободной форме производили мировоззренческую подготовку. Появился новый социальный слой – интеллектуалы, которые выполняли специфически идеологические и мировоззренческие функции, не поддающиеся полному контролю светской и церковной власти.

Средневековая схоластика создавала рациональные способы элиминации лакун. В учении П. Абеляра мы находим изложение систематически экзегетического метода элиминации лакун [12]. И как это не покажется парадоксальным, исходным пунктом в этом случае выступает систематическое сомнение. Речь идет о критическом анализе любого текста – хоть философского, хоть теологического. Вначале идет терминологический анализ текста, который затем дополняется проверкой текста на аутентичность. Третье требование герменевтической программы Абеляра заключается в сопоставлении некоторого текста со всем корпусом текстов автора, учитывая авторитет традиции в теологическом дискурсе [13]. С нашей точки зрения важно подчеркнуть, что Абеляр разработал правила критически-герменевтического метода, который должен был способствовать элиминации текстовых лакун. И если в современном корпусе текстов теория лакун доминирует как

переводоведческая, то в средневековом дискурсе лакунарности доминировали проблемы истолкования Священного писания. Как средство тотального уничтожения лакун стали развиваться формы тотального энциклопедического знания. Особой формой тотального знания в эпоху позднего средневековья стали «Суммы» («Сентенции») универсальные, энциклопедические своды средневекового знания. Формой такого тотального знания в Европе стал аристотелизм Ибн Сины, Аверроэса, затем «Руководство по выходу из затруднений» М. Маймонида.

О развитии рационалистической традиции в средневековом идеологическом процессе свидетельствует и то, что в эпоху зрелого средневековья были разработаны для элиминации главной мировоззренческой лакуны доказательства бытия Бога. Представитель «реализма» Ансельм Кентерберийский разработал «онтологическое доказательство» бытия Бога [14]. Фома Аквинский [15], опираясь на аристотелевское учение о причинах, формулирует пять взаимосвязанных доказательств. Наступление кризиса средневековой идеологии и схоластики выражалось в том, что рациональное обоснование основных мировоззренческих лакун развенчивалось. Задача восстановить контакт человека с Богом в эпоху кризиса схоластики решалась демаршем мистицизма: недостаточность рафинированного рационализма компенсировалась мистикой. У доминиканца Экхарта [16] негативная теология становится уже не периферийной областью, как у Аквината, а основным направлением учения.

Альтернативную рационализму систему установления лакун создавал нарождающийся эмпиризм. Приверженец экспериментальной науки Роджер Бэкон [17] выделял следующие причины лакун (невежества в его терминологии): а) доверие сомнительному авторитету; б) привычка; в) вульгарные глупости; г) невежество, скрываемое под маской бравирующего всезнайства.

Заполнению основной мировоззренческой лакуны посвящен и геометрический метод Н. Кузанского в трактате «Ученое незнание» [18]. В Боге, который есть предельное «абсолютное», альтернативы «максимумов» и «минимумов» совпадают. В Боге бесконечные противоположности являются одним и тем же, наступает полный синтез.

Литература и примечания

1. Библия. Книга священного писания Ветхого и Нового завета. М., 1979; Новый завет. Ин. 2, 1, 2, 3.
2. Антология мировой философии: в 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 2.
3. *Иоанн Скот Эриугена*. На Дионисия Ареопагита. На Христа распятого // Памятники средневековой латинской литературы IVIX веков. М., 1970.
4. *Августин Блаженный*. Избранное // Антология мировой философии...

5. *Бозций С.* «Утешение философией» и другие трактаты. М., 1997; Майоров Г. Г. Северин Бозций и его роль в западноевропейской истории // Вопросы философии. 1981. № 4. С. 118–127.

6. *Иоанн Скот Эриугена.* О разделении природы // Антология мировой философии ...

7. Anselm of Canterbury. The Major Works. Oxford, 1998.

8. *Лисанюк Е. Н.* Учение о мысленном языке в средневековой логике // Вестник Мурманского государственного технического университета. 2000, № 3.

9. Как видим, задолго до «Нового Органона» Ф. Бэкона началась революция в логике, теории и методологии познания, приведшая к научной революции Нового времени.

10. *Уильям Оккам.* Избранное // Антология мировой философии ...

11. *Реале Дж.* Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1994.

12. *Рабинович В. Л.* Урок Абельяра: текст – жизнь // Абельяр П. История моих бедствий. М., 1992. С. 296–306.

13. *Реале Дж., Антисери Д.* Указ. соч. ...

14. *Ансельм Кентерберийский.* Соч. М., 1995.

15. *Фома Аквинский.* Доказательства бытия Бога в «Сумме против язычников» и «Сумме теологии». М., 2001.

16. *Мейстер Экхарт.* Избранные проповеди и трактаты. СПб., 2001.

17. *Бэкон Р.* Избранное // Антология мировой философии. В 4-х тт. М., 1969. Т. 1. Ч. 2.

18. *Николай Кузанский.* Собр. соч.: в 2 т. Т. 1. М., 1979. С. 47–184.

T. Y. DANILCHENKO FORMATION OF EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE HUMANITIES AND HERMENEUTIC METHODOLOGY IN THE MIDDLE AGES

The article reveals the formation of educational institutions in the Middle Ages (schools, universities), development of scholasticism, using hermeneutic methodology as universal.

Key words: humanitarian knowledge, gaps, hermeneutics, medieval knowledge.

Ю. В. КИТОВ, Н. К. ГАСАНОВА

ПРАКТИКИ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ: РОССИЙСКИЙ ОПЫТ

В статье рассматриваются особенности российской культурной политики, связанные с современными тенденциями её теоретико-методологических обоснований.

Ключевые слова: культурная политика, теоретико-методологические основания, методы, идеология.

В постсоветском обществе государство отказалось от идеологии «марксизма-ленинизма», который был призван стать теорией для *интернационального* сплочения абстрактного мирового пролетариата и идеологией мировой демократической революции [1] для «выяснения условий и указания путей освобождения народных масс от любых видов эксплуатации, угнетения, социального неравенства и утверждения наиболее целесообразной, подлинно гуманной организации человечества – коммунистической общественно-экономической формации». Казалось, общество имело возможность использовать эту концепцию (при условии рефрейминга), как теоретико-методологическую основу построения современной парадигмы. Однако идеология марксизма-ленинизма не адаптировалась к новым реалиям.

Между тем, возобновился интерес к константным закономерностям существования человеческого общества, так как проблематизировались вопросы сохранения толерантного взаимодействия внутри нации. В этой связи научной и житейской рефлексии подвергается весь спектр политических, культурологических, социологических доктрин, объясняющих современные трансформации. Рефлектируется феномен второго расселения, многие эксперты именно так именуют происходящий

в современности массовый процесс миграции населения, придающий ускорение диффузии культур. О первом расселении антропологам известно, что 100 тысяч лет назад в результате смещения земных плит появляется Афроевразия. Человек, уходит из Африки. Люди начинают расселяться. Расселение это длилось много тысяч лет.

На современном этапе расселения в Российской многокультурной цивилизации, где зафиксировано более 160 народов, и речь идёт о появлении сто шестьдесят первого сегмента нации, отношение к процессу миграции имеет свою локальную специфику на фоне определённых всеобщих закономерностей. Например, очевидно, что при сравнительно небольшом, по меркам ООН, проценте мигрантов в Москве и других крупных городах, и нашей внутренней политике требуется коррекция.

В историографии советского периода термин «культурная политика» отсутствовал, существовало понятие «партийно-государственного руководства культурой», которое определяло «политическую и социально-идеологическую направленность развёртывающегося в стране национально-культурного строительства как важнейшую проблему культурной революции» [2]. В постсоветской общественной жизни достаточно долгое время серьёзных сбоев не наблюдалось,